

DOI: 10.31857/S086919080025821-0

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА ХОРАСАН В ЛАТИНСКИХ ХРОНИКАХ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

© 2023

В.В. ПРУДНИКОВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5236-6555; gviskar@mail.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению традиции использования географического термина Хорасан в латинских хрониках первого крестового похода.

Основателем этой традиции можно по праву назвать анонимного автора «Деяний франков и прочих иерусалимцев». Данная книга представляет особый интерес для исследователей, т.к. это произведение не только стало первым в своем роде отчётом о вторжении рыцарей-крестоносцев, выходцев из Западной Европы на Ближний Восток, но и послужило основным источником информации для трудов других хронистов.

В XI в. цивилизация средневекового Запада впервые за долгие годы перешла от глухой обороны к планомерному наступлению, что заставило современников взглянуть по новому на явления, которые ранее скрывала завеса мифов и тайн. Тем интересней узнать о том, какие представления сформировались о реально существовавшей в ту эпоху исторической области Хорасан у латинских авторов, среди которых вслед за Анонимом можно назвать: Петра Тудебоду, Гвиберта Ножанского, Бодри Бургейского, Раймунда Ажилского, Эккехарда из Ауры, Рауля Канского, Роберта Монаха и др.

В представлении Анонима «Хорасан» обозначал центр сельджукской державы, но вполне естественно предположить, что данный термин имеет также ряд других значений и смыслов, которые предстоит ещё выяснить и проанализировать. В то же время, сам факт использования этого термина в трудах перечисленных авторов указывает на выход за пределы традиций, которые, несмотря ни на что, продолжали жить в исторических сочинениях и применяться для интерпретации существовавших реалий.

Другими словами, в этой статье не только предпринимается попытка истолкования смысла и значения слова «Хорасан» в исторической традиции, а также рассмотрены случаи употребления этого слова в латинских источниках с учётом контекста и форм, но и проанализированы известные прежде в историографии попытки его прочтения и трактовки.

Ключевые слова: Хорасан, первый крестовый поход, тюрки-сельджуки, средневековые латинские хроники.

Для цитирования: Прудников В.В. К вопросу о традиции использования термина Хорасан в латинских хрониках первого крестового похода. *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 90–101. DOI: 10.31857/S086919080025821-0

ON THE QUESTION OF THE TRADITION OF USE OF THE TERM KHORASAN IN THE LATIN CHRONICLES OF THE FIRST CRUSAISE

© 2023

Vitaly V. PRUDNIKOV ^a^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5236-6555; gviskar@mail.ru

Abstract: *This work is devoted to the consideration of the tradition of using the geographical term Khorasan in the Latin chronicles of the first crusade.*

The founder of this tradition can rightfully be called the anonymous author of The Acts of the Franks and Other Jerusalemites. This book is of particular interest to researchers, because, this work not only became the first of its kind report on the invasion of the Crusader knights, immigrants from Western Europe to the Middle East, but also served as the main source of information for the works of other chroniclers.

In the 11th century. the civilization of the medieval West for the first time in many years moved from a deaf defense to a systematic offensive, which forced contemporaries to take a fresh look at phenomena that had previously been hidden by a veil of myths and secrets. It is all the more interesting to learn about what ideas were formed about the historical region of Khorasan that really existed in that era among Latin authors, among whom, after Anonymous, are: monk and others.

In the view of the Anonymous, “Khorasan” denoted the center of the Seljuk state, but it is quite natural to assume that this term also has a number of other meanings and meanings that have yet to be clarified and analyzed. At the same time, the very fact of the use of this term in the works of the listed authors points to going beyond the limits of traditions.

Keywords: Khorasan, the First Crusade, Seljuk Turks, medieval Latin chronicles.

For citation: Prudnikov V.V. On the Question of the Tradition of Using the Term Khorasan in the Latin Chronicles of the First Crusade. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 90–101. DOI: 10.31857/S086919080025821-0

Анонимный автор создавал свою хронику «Деяния франков и прочих иерусалимцев» по горячим следам первого крестового похода в конце XI в. По сути, она представляет собой дневник рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения, который в начале крестового похода служил князю Бозмунду Тарентскому, а затем перешёл на службу к провансальскому графу Раймунду Сен-Жильскому.

Изучение данной работы представляет большую ценность с научной точки зрения, так как она легла в основу хроник ряда других западноевропейских авторов XII–XIII вв.: «Истории Иерусалимского похода» священника Сервейского Петра Тудебода, «Деяний Бога через франков» Гвиберта Ножанского «Иерусалимской истории» Бодри Бургейского и др. [Jamison, 1939, p. 183–184]. Именно эту книгу итало-норманнского рыцаря Анонима Ордерик Виталий использовал в качестве основного источника для написания четвёртой книги «Церковной истории». С XVII в. «Деяния франков» неоднократно переиздавались, а также полностью переводились на европейские языки.

Известно, что Хорасан является исторической областью с обширной территорией, границы которой проложены на северо-востоке Ирана, в южном Туркменистане и северном Афганистане. Исторически регион простирался на севере от Амударьи на запад до

Каспийского моря и на юге от окраин центрально-иранских пустынь на восток до гор центрального Афганистана. Арабские географы говорили также о продлении его территории до границ Индии.

История Хорасана уходит своими корнями в очень древние времена. Он был частью Ахеменидской империи (с VI по IV вв. до н.э.), а также Парфянского царства, существовавшего с III в. до н.э. по III в. н.э. Хорасан иногда отождествляется с Парфией, однако такое наименование этой исторической области появляется только при Сасанидах (начиная с III в. н.э.), которые разделили свою империю на четыре части (названные по сторонам света), причем название «Хорасан» переводится буквально как «страна, где восходит солнце». После арабского завоевания в 651–652 гг. н.э. это название сохранилось не только в качестве названия провинции, но традиционно всегда означало нечто большее.

В первый раз Аноним использует термин «Хорасан» (*Corosanum*) как обозначение домашнего региона турок, куда они уводили пленных христиан [*Histoire anonyme*, 1924, р. 4, 15, 52], где последние должны были служить сельджукам и их потомкам «во веки веков» [*Histoire anonyme*, 1924, р. 67].

Немецкий исследователь и издатель Анонима Г. Хагенмайер считал, что автор хроники понимал под Хорасаном все регионы к востоку от Антиохии [*Anonymi Gesta*, 1890, р. 122]. Английский исследователь Б. Лис приписывает Анониму взгляд на Хорасан только как на провинцию Персии [*Anonymi Gesta*, 1924, р. 102]. Другой английский ученый Р. Хил заявляет о полной тождественности вышеупомянутых терминов [*Gesta Francorum*, 1962, р. 4]. Того же мнения придерживается и один из последних переводчиков хроники на английский язык Н. Дасс [*The Deeds of the Franks*, 2011, р. 125].

Российские исследователи и переводчики Анонима на русский Т.Г. Мякин и В.Л. Портных идентифицируют Хорасан с областью на северо-востоке Ирана. Со ссылкой на Л. Брейе, они заявляют о том, что «Хорасан был центром турецкой мощи», однако латинские и армянские хронисты подразумевали под этим термином также Азербайджан, Армению и Месопотамию. В качестве обоснования своего мнения, они ссылаются на Альберта Ахенского, который называл Багдад столицей Хорасана [*Деяния франков и прочих иерусалимцев*, 2017, с. 151].

В другом месте переводчики Анонима, комментируя сообщение о выступлении Кербоги в качестве предводителя войск «султана Персии», отмечают, что использование термина Персия в данном контексте означает «империю сельджуков» в целом [*Деяния франков и прочих иерусалимцев*, 2017, с. 179]. Таким образом, в данном случае Хорасан мог бы восприниматься как центр Персии.

Утверждение Хорасана как некоего важного центра с точки зрения Анонима подтверждается речью Кербоги о намерениях крестоносцев путём захвата Антиохии отрезать тюрок-сельджуков сначала от «Романии, Сирии, а затем от Хорасана», чтобы в дальнейшем изгнать их за его пределы и окончательно уничтожить [*Anonymi Gesta*, 1924, р. 51].

Очевидно, что в восприятии автора хроники Хорасан является не только военным, политико-административным центром принятия решений, но и средоточием интеллектуальной и духовной империи сельджуков. Это следует из речи Кербоги, который обращается к своему секретарю с приказом написать множество писем, которые в свою очередь должны будут прочитать в Хорасане: «халиф наш апостолик», султан, а также «все благо-разумные рыцари Хорасана» [*Anonymi Gesta*, 1924, р. 52].

Помимо Хорасана в хронике упоминаются и другие места расселения для тюрок-сельджуков: Антиохия, Алеппо [*Histoire anonyme*, 1924, р. 4]. При этом автор разделяет понятия «земли сарацин» и собственно Хорасан [*Histoire anonyme*, 1924, р. 39]. «Большое войско турок» представляет собой «множество языческих народов», в числе которых по-

мимо тюрок-сельджуков упоминались «арабы, сарацины, павликиане, азимиты, курды, персы, агуляне» [Прудников, Тишин, 2016, р. 32].

Итак, после прочтения всех случаев употребления термина «Хорасан» в анонимной хронике первого крестового похода не составляет особых затруднений понять, какой смысл автор вкладывал в данный термин: исторический, культурный, военный, политический, административный и этнический центр тюрок-сельджуков и созданного ими государства. Некоторые летописцы первого крестового похода практически без искажений транслируют заложенные Анонимом смыслы в своих произведениях как, например, Бодри Бургейский [*The Historia Ierosolimitana*, 2014, р. 15, 61, 63]. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, в какой степени эта традиция привилась, как ей следовали другие авторы?

Немецкий монах-бенедиктинец Эккехард из Ауры при работе над «Всеобщей хроникой» опирался на очень богатую литературную традицию. Также он в начале XII ст. побывал в Палестине, где с большой долей вероятности познакомился с книгой Анонима [Ekkehardus, 1853, р. 972]. Все это делает его труд необычайно ценным источником по истории первого крестового похода. Любопытно, что он не считает тюрок-сельджуков главной причиной притеснений христиан на Востоке. Более того, турки у него выступают как союзники одних христиан против других: когда между греками и армянами возник конфликт, последние как более слабые в этом противостоянии призвали на помощь воинственных сельджуков, а после успешного разрешения конфликта отпустили их обратно. Но не тут то было. Привлеченные богатством и плодородием христианских земель, турки решили вернуться и распространились по «... Армении, затем по Кападокии и всей Романии, а также Сирии» (... per Armeniam, indeque Gapadociam totamque Romaniam atque Siriam diffusi sunt).

Турки пришли по приглашению армян из Персии, а точнее – из «земли Хоросана» (terra Corizzana), которая обладает рядом уникальных свойств с точки зрения Эккехарда: северный регион, языческая родина сельджуков (... Chorizanam, que Thurcorum est patria...), скудная почва, но при этом перенаселена, что провоцирует постоянные тюркские миграции [Ekkehardus, 1853, р. 966, 981].

Интересен взгляд хрониста на политическое устройство этой «земли», где правят четыре «султана», которых с его точки зрения было правильнее назвать «сатрапами», под верховной властью «персидского императора» (Persico imperatori), которому оказываются почти божественные почести [Ekkehardus, 1853, р. 972].

В данном случае при описании сельджукской государственности Эккехард недалеко ушел от основной массы хронистов первого крестового похода и являлся верным последователем позднеантичной и средневековой идеи *translatio imperii*. В соответствии с этой идеей «политическая система мусульманского мира описывалась как определяемая развитием кризиса и обновления, которые следовали правилам, аналогичным тем, которые применялись к европейским королевствам или империям» [Mauntel, 2017, р. 248].

Очень популярный среди европейских авторов Альберт Аахенский в 20-х гг. XII в. работал над своей хроникой под названием: «Иерусалимская история», на страницах которой он предпочитает довольно активно применять термин «Хорасан» (Corruzan).

В его интерпретации правитель Антиохии Яги-Сиян обращается к Никейскому султану Кылыч-Арслану как к своему родственнику с просьбой направить посольство в Хорасан «... землю и царство нашего рождения ...» (... terram et regnum natiutatis nostre ...) [Albert of Aachen, 2007, р. 248]. Титул «султан Хорасана» (Corruzan sultanus) означает для него «... главу и правителя тюрок» (... caput et princeps Turcorum) [Albert of Aachen, 2007, р. 248], которого он также именует на европейский манер «король Хорасана» (rex Corruzan) [Albert of Aachen, 2007, р. 250, 252, 254, 258, 688].

По мнению Альберта, именно в Хорасане находится город тюрок-сельджуков и дворец, откуда «в великой славе великий правитель и султан повелевает всеми восточными королями и правителями». Альберт называет этот город “Sanmarthan”, который отличается большим великолепием и экстравагантностью [Albert of Aachen, 2007, p. 250]. По какой-то причине автор не считает этот город столицей: как говорилось выше, по его мнению, главным городом Хорасана являлся Багдад [Albert of Aachen, 2007, p. 594, 688].

По мнению издателей труда хрониста, в данном случае речь идет не о Самарканде, несмотря на очень похожее написание, а о Хамадхане (Hamadhan) или Исфахане. В любом случае они признают тот факт, что Альберт под термином «Хорасан» понимает всю империю тюрок-сельджуков, а не отдельную провинцию [Albert of Aachen, 2007, p. 250–251]. Они также считают использование данного термина в тексте авторским приемом, который позволил показать читателям огромный масштаб владений сельджуков [Albert of Aachen, 2007, p. 34–35].

Последнее становится наиболее очевидным, когда Альберт предлагает описание отправки гонцов для сбора войск в ряд городов и областей обширного «Хорасанского королевства», в которых можно узнать регионы Малой Азии, Сирии и другие [Albert of Aachen, 2007, p. 258, 260].

В связи с султаном Альберт иногда упоминает «знать Хорасана» (*maiorum Cortuzana*) или “*procerum turcorum*” [Albert of Aachen, 2007, p. 688]. В данном случае можно говорить о том, что для Альберта этнический термин “*turc*” полностью накладывается на территориальное обозначение “*Corruzan*”.

Как и многие авторы хроник первого крестового похода, Альберт считает своим долгом упомянуть о незавидной участи пленников из числа крестоносцев, которых неизменно ожидала вечное изгнание в варварских и чуждых землях «Хоросана», так надежно прикрытых горами и реками, что попавшие туда невольники не смогли бы никогда покинуть без дозволения тюрок-сельджуков [Albert of Aachen, 2007, p. 610, 612].

В отличие от Анонима и Альберта, другой известный автор первого крестового похода Фульхерий Шартрский предпочитает использовать другую терминологию. Для него Персия – это родина тюрок (*in Persidem pars maior Turcorum repatraverunt*) [Fulcher, 1913, p. 641], а сами тюрки – персидское племя (*Turci gens Persica*) [Fulcher, 1913, p. 133].

Среди регионов, противостоящих крестоносцам, он выделяет следующие: Египет, Эфиопия, Аравия, Халдея, Сирия, Ассирия, Мидия, Парфия, Месопотамия, Персия, Скифия [Fulcher, 1913, p. 117]. По мнению Хагенмайера, классификация стран Ближнего Востока являлась общепринятой в древности и не была характерной для авторов первого крестового похода. Враги «франков» – арабские и тюркские государственные образования – представлены в этом отрывке в качестве отдельных регионов, среди которых Скифия и Эфиопия, например, могли быть отнесены к риторическому украшению данного списка, который, в свою очередь, был наиболее распространенным в представлении западноевропейских авторов [Fulcher, 1913, p. 117–118].

В частности, Хагенмайер выражает удивление по поводу того, что ни у Фульхерия, ни у других авторов (Бодри Бургейский, Гвиберт Ножанский, Роберт Монах) при описании речи Урбана II на соборе в Клермоне не упоминаются ни «Иерусалим», ни «Святая земля» в качестве основной цели крестового похода, а речь идет скорее о завоевании Востока и оказании братской помощи христианам против «персидского народа» тюрок [Fulcher, 1913, p. 130].

Автор «Деяний Танкреда» Рауль Канский предпочитает применять термин «Персия», а не «Хорасан» для обозначения центра сельджукской империи. Так, он называет Кербогу «сатрапом персов» (*Persarum satrapam*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 545, 547] и предводи-

телем «войска персов» (*Persarum exercitum*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 532]. Ещё более пространно он сообщает об этом, когда говорит о правителе Антиохии Яги-Сияне как о «... князе Антиохийском, господине Сирии и Финикии, страхе Ассирии, могущественнейшем человеке восточного царства, который уступал только одному персидскому султану» (... *Antiochiae princeps, Siriae dominator ac Phoeniciae, Assiriae terror, regum orientalium potentissimus, uni Solidano qui regnum Persida regnaverat, secundus*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 539].

Помимо термина султан биограф Танкреда предпочитает использовать в тексте более понятный для его аудитории термин «персидский император» (*Persis imperator*) или «король персов» (*rex Persarum*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 541]. Этот же справедливо и в отношении обозначения страны тюрок-сельджуков как «персидского королевства» (*Persica regna*), «королевства персов» (*Persarum regnum*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 545], собственно «Персии» (*Persida*), когда он описывает бегство тюрок (*fugiunt ad moenia Persae*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 543]. По этой причине не вызывает удивления тот факт, что Рауль считает сельджуков «персидским племенем» (*gens Persica*) [Radulfus Cadomensis, 1854, p. 548, 549, 550].

В этом ряду можно упомянуть Вильгельма Тирского, написавшего «Историю деяний в заморских землях», которая в свою очередь базировалась на трудах таких историков, как Альберт Аахенский, Раймунд Ажилский, Фульхерий Шартрский и Бодри Бургейский. Как и Фульхерий Шартрский, Вильгельм предпочитает при описании сельджуков следовать в русле античных традиций: язык тюрок (*Persarum lingua* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 275], ... *Persarum idiomatis, et Parthicae linguae* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 366]), верховный сельджукский правитель (*Persarum soldanus*) [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 275, 311, 325], сельджукский военачальник (*Persarum princeps potentissimus* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 362], *Persarum satrapam* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 367, 453]), народ тюрок (*Persarum populum* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 394]), пленных христиан уводят в Персию (*vinctos deducerent in Persidem* [Guillelmus Tyrensis, 1855, p. 357]).

Некоторые авторы буквально только один раз прибегают к употреблению термина «Хорасан» на страницах своих хроник. Например, участник и очевидец событий первого крестового похода Раймунд Ажилский вскользь упоминает приход на помощь осаждённой войсками крестоносцев Антиохии большого войска из Хорасана (... *magno exercito de Corozana* ...) [Raymond d'Aguilers, 1969, p. 56].

Вероятно, учитывая склонность Раймунда к мистицизму или по другой неизвестной причине, издатели предпочли провести параллели с существующей литературной традицией об Антихристе, в соответствии с которой он якобы был рождён в Вавилоне, а воспитывался в «Вифсаиде и Хоразине» (*Bethsaida et Chorazin*) [Raymond d'Aguilers, 1969, p. 56]. В этом комментарии говорится о неких «языческих странах», но совершенно не даётся объяснений тому, каким образом «Вифасида» или «Хоразина» – населённые пункты в Галилее – связаны с термином “Corazana”. В данном случае логично было бы предположить, что Раймунд подразумевал большое войско тюрок, которое пришло на помощь Антиохии именно из Хорасана. К сожалению, крайне скупое применение данного термина в тексте не даёт возможность сделать однозначный вывод.

В хронике Роберта Монаха также содержится единственное упоминание “Chorazaim” [*The Historia Iherosolimitana*, 2013, p. 59], что делает этот случай очень похожим на вышеприведенный вариант у Раймунда. Это отмечает переводчица сочинения Роберта К. Свитенхайм. По её мнению, автор «Иерусалимской истории» осознано или нет искажил смысл слова «Хорасан», который вкладывал в него Аноним, чьим трудом он пользовался и который мог уже дойти до него в искаженном виде [*Robert the Monk's History*, 2005,

р. 26, 152]. Другими словами, он ошибочно трактует Хорасан не как область Персии, а как библейский город Хоразин.

Готье Канцер использует термин «Хорасан» в связке с титулом «султан»: «Он (Ильгази) отправился, собрал огромную орду турок, а также арабов, и когда они собрались, и он увидел такое великое множество, он увлекся чувством безмерной гордыни и решил выступить против царя Давида в Иберии с одним из султанов Хорасана, чтобы, когда он будет убит или лишен наследства, смог убить христиан и подчинить себе Иерусалим и Антиохию» [*Galterii Cancellarii*, 1896, S. 113]. В данном случае наиболее вероятным кандидатом быть союзником Ильгази и «одним из султанов Хорасана», упомянутым Готье, учёные считают Тогрула, сына Гийас ад-Дина Мухаммада Тапара [*Galterii Cancellarii*, 1896, S. 303; Walter the Chancellor, 2005, p. 168].

В качестве возможного итога развития сложившихся традиций употребления тех или иных географических терминов в источниках особый интерес представляет работа «Деяния Бога через франков» Гвиберта из Ножана. Хотя его хроника и является вторичной по отношению к сочинениям Анонима и Фульхерия Шартского, тем не менее, благодаря критическому подходу к анализу материала, энциклопедической образованности автора может считаться оригинальной и во многом новаторской. В частности, он стремился проверять полученную информацию, а в отношении географических названий, не зная восточных языков, опирался на античную традицию.

Во введении, обращаясь к будущему читателю, как истинный учёный Гвиберт говорит о неизбежности совершения многих ошибок, которые могут быть вызваны недостаточной осведомлённостью автора. Он уделяет большое внимание тому, какие этнонимы и топонимы правильно применять в отношении тюрок-сельджуков, поскольку «... имена людей, провинций и городов представляли для меня значительные затруднения; я знал, что некоторые из них были записаны этим автором неправильно, и я не сомневаюсь, что и при записи иностранных, а потому менее известных, имен тоже были допущены ошибки.

Например, мы каждый день сражаемся против тюрок и называем Хорасан новым именем; когда старое слово было забыто и почти исчезло, древние источники, даже если они были доступны, не использовались: я решил не использовать слово, если оно не было общепотребительным. Если бы я использовал парфян вместо тюрок, как некоторые предполагают, Кавказ, а не Хорасан, в погоне за достоверностью, я мог быть неправильно понят и подвергнуться нападкам тех, кто спорит о собственных названиях провинций.

В частности, поскольку я заметил, что в наших землях провинции получили новые названия, мы должны предположить, что такие же изменения происходят и в чужих землях. Ибо если то, что когда-то называлось Нейстрией, теперь называется Нормандией, а то, что когда-то называлось Австразией, теперь, благодаря повороту событий, называется Лотарингией, то почему бы не поверить, что-то же самое произошло и на Востоке? Некоторые говорят, что египетский Мемфис теперь называется Вавилоном. Вместо того чтобы использовать разные имена, тем самым становясь непонятым или участвуя в полемике, я предпочел использовать обычное слово» [Guibert de Nogent, 1996, p. 82–83].

Однако, несмотря на заявленные принципы исследования, Гвиберт продолжает применять термин “Corazanum” в традиционном для авторов первого крестового похода значении: как домашний регион тюрок-сельджуков, куда они уведят пленных крестоносцев [Guibert de Nogent, 1996, p. 126]. Вместе с тем, вновь прибегая в тексте к данному определению, он делает важную оговорку, которая ясно демонстрирует, что именно он подразумевает под словом “Corazanum”: «Некоторые говорят, что эта земля получила свое название из-за искажения названия земли вокруг Кавказа» [Guibert de Nogent, 1996, p. 208].

Таким образом, в представлении Гвиберта термины “Corazanum” и “Caucasus” совершенно идентичны. Ровно то же, как было показано выше, Гвиберт полагает, когда рассуждает о «парфянах» и «тюрках», то есть анонсирует полную идентичность данных этнонимов. То же самое наглядно демонстрируется в другом месте: «Однако царство парфян, которых мы неверно называем тюрками, первенствует в военных делах, в искусстве верховой езды и в храбрости, а также обладает достаточным количеством земли» [Guibert de Nogent, 1996, p. 100].

Дабы окончательно развеять сомнения своих читателей, Гвиберт в конце своего произведения приводит следующие слова: «Если кто сомневается в названии парфян, которых мы называли турками, или Кавказа, пусть прочтет Солина о чудесах, Трога-Помпея о происхождении парфян и Иордана Гота о гетах» [Guibert de Nogent, 1996, p. 352].

Гвиберт также знает и довольно часто пользуется термином «Персия» (Persida) с присущей ему оригинальностью. В его представлении Восток и Персия в частности противопоставляется Западу (Римской империи), а также объявляется родиной всевозможных ересей и заблуждений [Guibert de Nogent, 1996, p. 90].

Данное утверждение зиждется на качественных характеристиках живущих на Востоке людей: «Вера восточных людей, которая никогда не была прочной, а всегда была изменчивой и зыбкой, ищущей новизны, всегда выходящей за пределы истинной веры, в конечном счете утратила авторитет первых отцов. По-видимому, эти люди из-за чистоты воздуха и неба, в которых они рождаются, вследствие чего их тела легче, а их ум, следовательно, более подвижен, обычно злоупотребляют блеском своего ума многими бесполезными комментариями» [Guibert de Nogent, 1996, p. 89–90].

Он также не применяет данный термин для определения этнической принадлежности тюрков-сельджуков, когда последовательно перечисляет в одном ряду «арабов, персов и свирепых тюрков» (arabes, persae, turcique feroces) [Guibert de Nogent, 1996, p. 157]. В то же время в другом месте в числе основных «народов» (gentes) он говорит о «тюрках, сарацинах, арабах и персах, уже известных историкам ...» [Guibert de Nogent, 1996, p. 208].

Вместе с тем верховного правителя сельджуков Гвиберт предпочитает именовать не иначе как «царём персов», а «Хорасан» и соответственно «Кавказ» – провинциями «Персидского царства» [Guibert de Nogent, 1996, p. 208, 211, 271].

В тексте Гвиберт утверждает, что персы называют своего царя «Согдианом, именем предыдущего царя персов (как римляне привыкли называть своих вождей Цезарями)» [Guibert de Nogent, 1996, p. 208]. Таким образом, хронист путает название исторической области «Согдиана» с титулом сельджукского правителя – «султан». Он также ошибочно принимает его за имя «предыдущего царя персов», что характерно для латинских авторов и объясняет это по аналогии с происхождением термина «цезарь» из истории Древнего Рима.

В соответствии со своими воззрениями Гвиберт по ходу работы над хроникой пытается исправлять терминологию анонимного автора первого крестового похода. В том месте, где Аноним использовал термин «Хорасан» (Corosanum), Гвиберт активно применяет всю линейку приведённых выше обозначений центра и провинции империи сельджуков: «Кавказ» (Caucas) и «Персия» (Persida) [Guibert de Nogent, 1996, p. 211].

Таким образом, в представлении Гвиберта Персия является обозначением государства сельджуков. Это ясно видно в противопоставлении с другим мусульманским государством, центр которого, как он полагает, в «Вавилоне»: «Следует знать, что пока Антиохия находилась в осаде, Иерусалим удерживали турки под властью персидского царя. Кроме того, император Вавилона, как я упоминал ранее, отправил послов к нашей армии с единственной целью – определить состояние нашего предприятия. Когда они увидели ужасную нужду, постигшую христианскую армию, и когда узнали, что рыцари стали пехотинцами из-за

недостатка лошадей, они сочли нас бесполезными в борьбе с турками, которых они сильно ненавидели. Царь Персии захватил большую часть Вавилонской империи, которая была очень велика, ибо его народ был мудрее и энергичнее в военных делах. Когда же вавилонский князь услышал, что франки, то есть Бог, действовавший через франков, взяли Антиохию, а самого Кербогу победили вместе с гордостью Персии у стен Антиохии, он быстро собрался с духом, [а его войска] ополчились на турок и осадили их в Иерусалиме, который они заняли» [Guibert de Nogent, 1996, p. 271–272].

С.И. Лучицкая отмечала, что Хорасан воспринимался хронистами «как фантастическая провинция, где находится нерв власти сельджуков» [Лучицкая, 2001, с. 179]. Она также попыталась дать ответ на вопрос о том, что реально представлял собой Хорасан в ту эпоху и по какой причине эта малозначительная провинция приобрела такой вес и значение в глазах хронистов: «Возможно, это объясняется не только той важной политической ролью, которую на разных этапах истории мусульманского мира играл Иран, но и тем, что в средневековой культурной традиции этот топоним был связан со множеством значимых коннотаций, в том числе эсхатологических. Хорасан упоминается в латинских биографиях пророка Мухаммада. По сообщениям Гуго Флери, Геральда Камбрейского, именно там, на родине Хадижды, пророк начал свою проповедь и впервые объявил о своих идеологических и политических притязаниях. Кроме того, во многих средневековых текстах, у Псевдо-Мефодия, Адсо Дервиенского Хорасан — родина Антихриста. Таким образом, в представлении хронистов эта провинция была связана с жизнью и деятельностью Мухаммада и являлась сферой проявления inferнальных сил. Неясно, когда именно Хорасан стал отождествляться с центром политической власти турок-сельджуков, но в эпоху Первого крестового похода именно эта провинция воплощает для хронистов высшую политическую власть в мусульманском мире, а «король Хорасана» рассматривается как ее главный представитель» [Лучицкая, 2001, с. 180].

Английский исследователь А. Мюррей выразил крайнее удивление по поводу того как часто на страницах латинских хроник встречается географический термин «Хорасан», учитывая тот факт, насколько второстепенной была реальная роль этой провинции в империи сельджуков во времена первого крестового похода [Murray, 2018, p. 93].

Данное явление в латинской историографии могло возникнуть в результате симбиоза существовавшей литературной традиции и реальных знаний о происхождении тюрок-сельджуков из Средней Азии. Анонимный автор первого крестового похода был настолько восхищен боевыми навыками тюрок, что захотел выделить их из других восточных народов, приписав им происхождение от троянцев, и тем самым приравнял их к другим западным народам [Murray, 2018, p. 94].

Действительно, Аноним пишет о том, что никто не может считаться прирожденным рыцарем, кроме франков и сельджуков [Anonymi Gesta, 1924, p. 50–51]. Вслед за ним Петр Тудебод восклицает: «Что ещё можно сказать о благоразумии и мужестве турок? Они действительно очень свирепы и носят за плечами колчаны, полные отравленных стрел, от природы они очень воинственны и, как мы говорили выше, похвалялись своим происхождением от франков» [Petrus Tudebodus, 1866, p. 27–28].

Гвиберт Ножанский заявляет, что, по мнению тюрок, они «... являлись соплеменниками франков; и среди прочих народов только одним тюнкам и франкам принадлежит звание рыцаря» [Guibert de Nogent, 1996, p. 162]. В этом ряду необходимо упомянуть и Бодри Бургейского, который вслед за другими повторяет, что турки «говорили также, что никто другой от природы не может быть рыцарем кроме них и франков» [Baldrici, 1896, p. 35].

В данном случае, признавая за тюрками некие особые качества и намекая на общее с другими европейскими народами происхождение, хронисты следуют многовековой тра-

диции, которая более подробно рассматривается в отдельной работе [Прудников, 2019, с. 209–225].

Во второй половине XII в. появляются истории о происхождении тюрок, идущие вразрез с бытовавшей на Западе традицией. Вильгельм подробно повествует о происхождении туркоманов и излагает события, начиная с переселения тюрок в Персию и избрания ими правителя по имени Сельджук. Но вместе с тем Вильгельм Тирский возвращается к версии о троянском происхождении тюрок сельджуков: «С самого начала племя турок или туркоманов (ибо оба они происходят от одного рода) было северным. Как они сами утверждают, и это содержится в наших хрониках, что они были названы по имени их вождя турка, который после падения Трои вывел их в области Гипербореи, где они отказались от использования оружия и бродили в заботе о стадах овец и рогатого скота. Племя совершенно нецивилизованное, не имевшее постоянного местопребывания» [Цит. по: Lushenko, 2011, p. 107].

Именно Вильгельм Тирский, по мнению А. Мюррея, объединил существовавшую на Западе литературную традицию о троянском происхождении с реальным знанием истории сельджуков [Murray, 2018, p. 94]. Тот факт, что Вильгельм не использует термин «Хорасан», исследователь относит на счет его образованности. С данным утверждением А. Мюррея трудно не согласится, так как Вильгельму удалось творчески переработать сложившуюся на Западе традицию о троянском происхождении сельджуков и даже выйти за её рамки.

Важнейшим фактором для понимания применения латинскими авторами термина «Хорасан» Мюррей считает восприятие ими данной провинции как неиссякаемого источника военной мощи сельджуков, который «... превратил таинственное королевство Хорасан в отдаленную, но могущественную территорию, которая постепенно приобрела дополнительные характеристики, так что в повествованиях о крестовых походах она сменила свое место с отдаленного и периферийного статуса на центральное, как кузница тюркского мира. Казалось бы, боеспособные военные силы, которые крестоносцы встречали по всей Анатолии и Сирии, не обязательно рассматривались как оседлое местное население, а как свидетельство военной поддержки, которая направлялась из центра Турецкой империи ее сателлитам (как представляли их себе крестоносцы) на далеком Западе» [Murray, 2018, p. 95].

Историки не дают однозначного ответа на вопрос о том, каким образом термин «Хорасан» вошел в обиход латинских авторов. Учитывая различные формы написания данного слова у разных авторов, А. Мюррей выдвинул предположение о том, что данный термин был не знаком западным авторам, и причиной искажения могло послужить восприятие на слух устной речи непосредственно от самих тюрок и арабов [Murray, 2018, p. 95]. Данное наблюдение А. Мюррея также можно признать вполне обоснованным.

Последовательное рассмотрение заложенной Анонимом традиции использования географического термина Хорасан показало, что в латинских хрониках первого крестового похода сложилось восприятие данной исторической области на территории Ирана в качестве не только военного, политико-административного, но и культурно-религиозного, а также этнического центра сельджукской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий. Учебно-методическое пособие. Сост.: Т.Г. Мякин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. Новосибирск: НГУ, 2010 [*The Acts of the Franks and Other Jerusalemites.* Translation into Russian and commentary. Teaching aid, T.G. Myakin, G.G. Pikov, V.L. Portnyh. Novosibirsk: NSU, 2010 (Russian Translation)].

Лучицкая С.И. *Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов*. М.: Алетея, 2001 [Luchitskaya, S.I. *The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades*. Moscow: Aletheia, 2001 (in Russian)].

Прудников В.В. *Deus adiuvā! Норманские рыцари в Анатолии XI–XII вв.* М.: ИВ РАН, 2019 [Prudnikov V.V. *Deus adiuvā! Norman Knights in Anatolia in the 11th–12th Centuries*. Moscow: IOS RAS, 2019 (in Russian)].

Прудников В.В., Тишин В.В. К вопросу о значении термина *agulani* в одной латинской хронике первого крестового похода. *Восток (Oriens)*. 2016. № 1. С. 31–43 [Prudnikov V.V., Tishin V.V. On the Question of the Meaning of the Term *agulani* in One Latin Chronicle of the First Crusade. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 1. Pp. 31–43 (in Russian)].

Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem*. Ed. and transl. by S.B. Edgington. Clarendon: Press Oxford Medieval, 2007.

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Ed. by B.A. Lees. Oxford: Clarendon Press, 1924.

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum mit Erläuterungen hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg: Carl Winter, 1890.

Baldrici Episcopi Dolensis Historia Jerosolimitana, Recueil des historiens des croisades, Historiens occidentaux. T. IV. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1879. Pp. 1–89.

Ekkehardus Uraugiensis Chronica, Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. J.P. Migne (ed.). T. 154. Paris: Garnier Frères, 1853. Pp. 459–1062.

Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana: 1095–1127. Hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg: Winter, 1913.

Galterii Cancellarii Bella Antiochena mit Erläuterungen und einem Anhang Hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen universitäts-buchhandlung, 1896.

Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum: The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem. Ed. and transl. by R. Hill. London: T. Nelson, 1962.

Guibert de Nogent. *Dei gesta per Francos et cinq autres textes. Édition critique par R.B.C. Huygens*. Turnhout: Brepols, 1996.

Guillelmus Tyrensis archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. J.P. Migne (ed.). T. 201. Paris: Garnier Frères, 1855. Pp. 209–892.

Histoire anonyme de la Première Croisade. Texte établi et traduit par L. Bréhier. Paris: Les Belles Lettres, 1924.

Jamison E. Some Notes on the Anonymi Gesta Francorum with Special Reference to the Norman Contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade. *Studies in French Language and Mediaeval Literature presented to Professor M.K. Pope*. Manchester: Manchester University Press, 1939. Pp. 183–208.

Le "Liber" de Raymond d'Aguilers. Publié par J. Hugh et L.L. Hill. Introduction et notes traduites par Philippe Wolff. Paris: Geuthner, 1969.

Lushchenko M. *L'image de l'Asie Mineure et des Turcs dans les textes narratifs du Moyen Âge français (XIIe – milieu du XVIe siècle)*. PhD dissertation. Vancouver: University of British Columbia, 2011.

Mauntel C. The 'Emperor of Persia'. 'Empire' as a Means of Describing and Structuring the World. *The Medieval History Journal*. 2017. Vol. 20. No. 2. Pp. 354–384.

Murray A.V. From the Bosphorus to Khurasan: The Turkish Domination of Asia in the Perception of the Chroniclers of the First Crusade. *Journal of Seljuk Studies*. 2018. Vol. 8. Pp. 82–98.

Petrus Tudebodus. *Historia de Hierosolymitano Itinere. Recueil des historiens des croisades, Historiens occidentaux*. T. III. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1866. Pp. 1–119.

Radulfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolymitana*. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. J.P. Migne (ed.). T. 155. Paris: Garnier Frères, 1854. Pp. 489–590.

Robert the Monk's History of the First Crusade, Historia Iherosolimitana. Ed. and transl. by C. Sweetenham. Hants: Ashgate Press, 2005.

The Deeds of the Franks and Other Jerusalem-Bound Pilgrims: The Earliest Chronicle of the First Crusades. Ed. and transl. by N. Dass. Lanham: Rowman & Littlefield, 2011.

The Historia Ierosolimitana of Baldric of Bourgueil. Ed. by S. Biddlecombe. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2014.

The Historia Iherosolimitana of Robert The Monk. Ed. by D. Kempf and M.G. Bul. Rochester, NY: Boydell Press, 2013.

Walter the Chancellor's The Antiochene Wars. A Translation and Commentary, ed. and transl. by Th.S. Asbridge and S.B. Edgington. Aldershot: Routledge, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРУДНИКОВ Виталий Владимирович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Отдела истории Востока
Института востоковедения РАН, Москва,
Россия.

Vitaly V. PRUDNIKOV, PhD (History), Senior
Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russia.